

КАРОЛИНА ПАВЛОВА И НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ

Творческие отношения Павловой с Языковым должны рассматриваться в контексте ее отношения к славянофильству. Близость Павловой к славянофилам, тяготение к их идеологии отмечалось едва ли не всеми ее исследователями, и для этого, разумеется, имеются достаточные основания. Сошлемся хотя бы на суждения Н.Коварского: «Творчество Павловой было дорого славянофилам по многим причинам. Она была очень талантливой переводчицей, превосходно переводившей русских поэтов на немецкий и французский, пропагандировавшей русскую поэзию за границей. Иван Киреевский восторженно приветствовал книгу ее переводов на немецкий, назвав Павлову в числе трех переводчиков, которые «особенно замечательны удачею своих переводов». Она написала целый ряд программных поэм и стихотворений, в которых излагалась доктрина славянофильства, их концепция русского исторического процесса, их взгляды на европейскую цивилизацию. Наконец, она была одним из наиболее ярких представителей «московской» поэзии, поэзии «времен старых, минувших, любезных», «возвышенной поэзии, несколько не похожей на творчество поэтов натуральной школы» [1., с. 11].

В этой работе уже приводилось и еще будет приведено много фактов, подтверждающих уважение и симпатию, которые питали к Павловой едва ли не все ведущие идеологи славянофильства: И.В.Киреевский, И.С. и К.С.Аксаковы, А.С.Хомяков С.П.Шевырев и другие. И она платила им взаимностью. Как свидетельствует И.И.Панаев, «Каролина Карловна выражала большое неудовольствие на Белинского, который неуважительно отзывался о поэтическом таланте Хомякова в “Отечественных записках”, замечала, что каждый стих Хомякова звенит, как золото, и в доказательство продекламировала несколько стихотворений его» [2., с. 297].

Но не следует недооценивать и то, в чем Павлова расходилась с славянофилами. Для того чтобы иметь достоверное представление об их связях, нужно исходить из правильного понимания самой природы славянофильства. Было бы глубокой ошибкой представлять себе его как подобие некой партии и тем более секты, т.е. замкнутого круга людей, чьи позиции значимо отличаются от позиций тех, кто находится за пределами этого круга.

Славянофильство было определенным центром идейного тяготения, и притяжение к нему испытывали люди, отстоящие на разные, порой значительные расстояния от этого центра. Поэтому расхождения во взглядах отдельных славянофилов, как, впрочем, и западников, бывали очень существенны, как существенны были и совпадения, переклички в позициях славянофилов и западников. Это глубоко ощущал Герцен, когда писал, что эти его противники «были ближе нам многих *своих*», что у него с ними «*сердце билось одно*» [3., с. 40].

Вряд ли у кого-нибудь повернется язык назвать славянофилом М.Е.Салтыкова-Щедрина. А между тем он писал: «Признаюсь, я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления. В нем одном есть нечто похожее на твердую почву, в нем одном есть залог здорового развития» [4., с. 371].

Разумеется, при изучении места Павловой в славянофильском лагере, своеобразие занятых ею позиций, ее взаимоотношения с другими славянофилами, следует опираться на весь круг дошедших до нас источников, в том числе документальных, эпистолярных, литературно-критических и т.д. Но центральное место должно принадлежать анализу тех поэтических диалогов, которые вела Павлова с ведущими идеологами славянофильства и, прежде всего – с Языковым.

То, что поэтический диалог Павловой с Языковым был наиболее интенсивным, вполне естественно, если учесть, что между ними существовали достаточно близкие личные отношения: есть свидетельства, что Языков был влюблен в юную красавицу. Косвенно он подтвердил это сам, когда, вспоминая прошлое в одном из посланий 1844 г. написал «...В ту пору вами Моя кружилась голова». Ему и принадлежало первое слово в их поэтическом диалоге. В альманахе «Северные цветы на 1832 год», изданном Пушкиным в память недавно скончавшегося Дельвига, Языков напечатал несколько стихотворений, одно из которых называлось «К-е К-е Я-ъ», т.е. Каролине Карловне Яниш.

Незадолго до этого Павлова перевела на немецкий язык стихи Языкова, которые вошли в выпущенный годом позже ее сборник «Nordlicht». Языков, очевидно, ознакомившись с ними в рукописи, откликнулся на них такими строками:

Вы, чьей душе во цвете лучших лет
Небесные знакомы откровенья
Все, чем высок полет воображенья,
Чем горд и пламенен поэт, –

И два венка, один другого краше,
На голове свилися молодой:
Зеленый лавр поэзии чужой
И бриллианты музы вашей!

Вы силою волшебной дум своих
Прекрасную торжественность мне дали,
Вы на золотых струнах переиграли
Простые звуки струн моих [5., с. 226].

«Простыми звуками струн моих» Языков называет свои стихи, а «зеленый лавр поэзии чужой» – это переводческая деятельность Павловой. Очевидно, осведомленный, что эта деятельность совмещалась с оригинальным

творчеством, он и писал, что «два венка, один другого краше, / На голове свилися молодой».

Следующее стихотворении, обращенное к Павловой, было написано в 1840 г, не позднее июня, т.к. июнем датирован ответ поэтессы, и опубликовано во втором номере «Москвитянина» за 1841 год. Языков путешествует по Европе. Перед ним «Зальцбург, и Тироль, и Альпов выси строги», «Вот и Ломбардия! Веселые долины, Румяный виноград, каштаны и раины, Лазурь и пурпуры полуденных небес!», «Вот пасмурный Милан с поникшей головой, Турин и Пьемонт гористый! Вот Савона!»

Вот Ницца – вот где я! Вот город и залив,
Приморские сады лимонов и олив,
И светлый ряд домов с заезжими гостями,
И воздух сладостный, как мед!

Но все это не радует его. Его мысли и чувства устремлены к ней:

Горька мне эта чаша!
Тоска меня томит! Дождусь ли я Москвы?
Когда узнаю я, что делаете вы? Как распевает муза ваша?
Какой венок теперь на ней?
Теперь, когда она, родная нам, гуляет
Среди московских муз и царственно сияет!
Она, любезная начальница моей» [6., с 246].

В том же номере «Москвитянина» на соседней странице Павлова опубликовала свой «Ответ Н.М.Языкову». Она благодарит Языкова «за сладкозвучный дар поэта, За вспоминанье обо мне», но главное, что здесь нашли себе место строки, которые благодаря своей патриотической тональности должны были найти отклик в душе адресата: да, «везде есть небо над главою, / Везде есть много чудных снов», но она не тоскует о Риме, зная, что Москва не проигрывает в сравнении с ним, «стихи здесь русские пишу я / При шуме русского дождя» [7., с. 88].

Языков ответил на это посланием «В те дни, когда мечты блистательно и живо». Он вспоминал свою молодость в белокаменной Москве, «упоения веселости застойной», «студенческую славу» «при звоне чаш», веселые юношеские стихи и заканчивает на вполне оптимистической ноте:

Еще сияет мне любезно, как бывало,
Благословенная звезда,
Звезда поэзии. О мне и горя мало!
Мне хорошо, я хоть куда! [6., с. 252].

И получил от Павловой послание с подзаголовком «Ответ на ответ», в котором явственно ощущается совсем другая тональность. Она помнит появление Языкова как «счастливого гостя Москвы».

Я помню это новоселье,
Весь этот дружный юный круг,
Его беспечное веселье,
Неограниченный досуг.

Как много все свершить хотели
В благую эту старину!
Шел каждый будто к верной цели,
К неосязаемому сну –

И разошлись в дали туманной.
И полдня наступает жар –
И сердца край обетованный
Как легкий разлетелся пар! [7., с. 114].

Более того, она напоминает, как об узости поэтического круга и о понесенных им недавно горьких потерях – гибели Пушкина и Лермонтова:

И первый пал! – и в днях расцвета
Уж и другой лечь в гроб успел!
Да помнит же поэт поэта
В час светлых дум и стройных дел!

В апреле 1844 г. Языков на протяжении четырех дней пишет два послания, обращенные к Павловой: они датированы 18 и 21 апреля. Из них особенно характерно и интересно второе, где славянофильский максимализм, присущий Языкову, разгулялся во всю ширь. Он уже не просто восхищается Павловой и ее поэзией, он восхищается именно ее патриотизмом, ее великолепным владением русским языком:

Хвалю я вас за то, что вы
Поете нам, не как иная,
Что вам отечество Россия,
Вам – славной дочери Москвы!
Что вам дался язык наш чудный,
Метальный, звонкий, самогрудный,
Разгульный, меткий наш язык! [6., с. 264].

Он помнит, конечно, что Каролина – не русская по рождению, что языки Шенье и Гете равно послушны ей. Поэтому и, может быть, тем более поэтому он

хвалит ее за привязанность к России и не просто хвалит, а называет это «подвигом».

Я вас хвалю и уважаю
За то, что вы родному краю
Принадлежите всей душой,
Что вы по-нашему поете... [6., с. 265].

Павлова датировала свой ответ 9 мая, в день именин Языкова. Она солидаризуется с патриотическими устремлениями поэта, что особенно проявилось в строфе:

Но той страны, где сердце дома,
Неколебимы в нем права:
И вы, услышав: «*Ecce Roma!*»
Вздохнули, может: «Где Москва?» [7., с.120].

Но у нее совершенно нет той агрессивности, которой пронизано стихотворение Языкова и которая вскоре привела к ее разрыву между ними.

В 1844 г. Языков написал два стихотворения «К не нашим» и «К Чаадаеву». Хотя они были опубликованы лишь в 1870-е гг., они получили широкую известность среди современников и вызвали подлинную бурю в русском обществе. В первом из них, адресованном П.Я.Чаадаеву, Т.Н.Грановскому, А.И.Тургеневу, он писал:

Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все – не русский вы народ!
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Живое чувство...
 Русская земля
От вас не примет просвещенья,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны [6., с. 274-275].

Во втором:

Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Ее предания святыя
Ты ненавидишь все сполна

Ты их отрекся малодушно,
 Ты лобызаяешь туфлю пап,
 Почтенных предков сын ослушный,
 Всего чужого гордый раб!
 Свое ты все презрел и выдал,
 Но ты еще не сокрушен;
 Но ты стоишь, плешивый идол
 Строптивых душ и слабых жен! [6., с. 274-275].

Если в определенных кругах эти инвективы вызвали поддержку, в частности у М.П.Погодина и Н.В.Гоголя, который писал Языкову: «Сам бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи “К не нашим”» [8., с. 455], то многие бывшие единомышленники Языкова, в том числе из числа славянофилов, резко отмежовывались от этих посланий и характеризовали их как поэтические доносы.

Языкову стало известно, что, среди тех, кто осуждал эти стихи, была и К.Павлова, очевидно, он воспринял это болезненно и 28 апреля 1846 г. обратился к ней с посланием, которое тогда же было опубликовано в «Современнике». Он всячески пытался смягчить неприязнь поэтессы, напоминал ей «достопамятные годы» «милой юности», когда он выговаривал ей много-много похвал, уверял, что он тот же, остается ее «глубоким почитателем» и по-прежнему готов воспевать ее «громко, живо, самозвонно» и «по-прежнему высоко / Славить множеством стихов» Он старается смягчить ее неблагосклонность, уверяя ее в безгрешности своих намерений:

...За родную
 Старину и за своих
 На врагов и нехристь злую
 Восстает мой русский стих,
 Потому что не хочу я
 Немчурь и не даюсь
 Ей в неволю и люблю я
 Долефортовскую Русь... [6., с. 253-254].

Вспоминал ли он, ругая «немчурку», о происхождении Павловой, о том, что хвалил ее за то, что ей послушен язык Гете? Как бы то ни было, Павлова любые попытки Языкова оправдать свои стихи решительно отвергла: Ответному и последнему в жизни посланию, с которым она обратилась к Языкову, предпослан эпиграф из Байрона: «What is wright is wright» («Что написано, то написано»). Иными словами: никакого прощения или снисхождения к написанному Языковым быть не может. Прежде всего, Павлова категорически

отвергает уверения Языкова, что он тот же, кем был раньше. Ныне лира его другая, она стала ей

и непонятна и чужда.
 Не признаю ее напева,
 Не он в те дни пленял мой слух;
 В ней крик языческого гнева,
 В ней злобный пробудился дух [7., с. 133]

У нее нет «отзывного стиха» на «проклятия и брани», она испытывает лишь горе, когда «знакомый глас певца... вливает ненависть в сердца». Нет, он уже не тот, «чья мысль была чиста», он «на площадь музу шлет святую, / Вложив руганья ей в уста». Характерно, что она отказывается обсуждать, правы или нет, те, на кого обрушил свои «руганья» Языков, она требует уважения к «чужой мысли», к мнению других. Ей стыдно и больно, тяжело и безотрадно, что «дышит страстной он враждой, / Чужую мысль карая жадно / И роясь в совести чужой».

Заслуживает напоминания оценка, которую получил этот эпизод в воспоминаниях А.Ф.Кони: «По убеждениям своим и дружеским связям Павлова склонялась к славянофилам. Но в распре их с западниками, вызванной публичными лекциями Грановского, она не стала на их сторону и с негодованием отнеслась к Языкову. Подробно пересказав далее содержание их последнего поэтического диалога, Кони оценил позицию Павловой так: «В ее ответе сказалась высота ее нравственного развития и человечность ее взглядов, чуждых зоологическому патриотизму Языкова» [9., с. 563].

Таково было ее последнее слово и, произнося его, она разошлась не только с последними стихами Языкова, но и с экстремизмом славянофильской идеологии. Мы увидим в дальнейшем, как она сама защищала аналогичную систему ценностей. Ее Русский в «Разговоре в Кремле», спора с Англичанином и Французом, отстаивает русскую самобытность, объясняет им ее причины, но он не поносит их точку зрения, она ему внятна, и он готов дать на нее ответ.

Случилось так, что образец того, как сама Павлова считала пристойным полемизировать с воззрениями, которых она не разделяет, поэтесса дала в том же 1846 г., которым датируется и вышерассмотренная отповедь Языкову. Речь идет о стихотворении, обращенном к другому видному идеологу славянофильства, с которым ее связывали многолетние дружеские связи и взаимная приязнь, – И.С.Аксакову. Она смотрит на «зреющие поколения» не с неприязнью и уж, конечно, не с ненавистью, а с грустью:

И трепетно молю я бога
 За этих пламенных невежд:
 Их осуждение так строго,
 В них убеждения так много,

Так много воли и надежд! [7., с. 131].

Она сожалеет о тщетности их усилий о том, что это племя пропадет не по своей вине, а как семя, брошенное «на почву камня и песка». Ей чужды «холодные умы», которые «в наш век сознаний» не признают «святых алканий, / Упрямых вер и детских снов»

И, подавлен земной наукой,
В них дар божественный исчез;
И взор их, ныне близорукой,
Для них достаточной порукой,
Что гаснут звезды средь небес [7., с. 132].

Нам же чужд ограниченный практицизм: мы глядим на звезды неба, на объем вечного мира «и не житейского лишь хлеба / Для жизни мы от бога ждем». И пусть для нас не настанет «пора плода благого», он будет нужен другим, и провидение не обманет наших надежд.

И мы, чья нива не созрела,
Которым жатвы не собирать,
И мы свой жребий встретим смело,
Да будет вера – наше дело,
Страданье – наша благодать [7., с. 132]

Литература

1. Павлова К.К. Полн. собр. стихотворений Л., 1939
2. Панаев И.И. Литературные воспоминания Л.: Academia, 1928
3. Герцен А.И. Собр. соч. т. 9, М.: Изд. АН СССР, 1956
4. Щедрин Н. (Салтыков М.Е.). Полн. собр. соч., т. 18, М.; Л.: ГИХЛ, 1937
5. Северные цветы на 1832 год. М.: Наука, 1980
6. Языков Н.М. Полн. собр. стихотворений М.; Л. 1934
7. Павлова К.К. Полн. собр. стихотворений М.; Л.: Сов. писатель, 1964
8. Гоголь Н.В. полн. собр. соч. т. 12, Л.: Изд. АН СССР, 1952
9. Кони А.Ф. Воспоминания о писателях Л., 1965

Аннотация

Ю.В. Гришанова. Каролина Павлова и Николай Языков.

Отношения Павловой и Языкова неоднократно рассматривались в контексте их отношения к славянофильству. Но данная статья показывает нам,

что между Павловой и Языковым существовал еще и некий поэтический диалог, проследив который становится ясно, что между ними существовали довольно близкие отношения. К сожалению, поэтический диалог между этими двумя поэтами был прерван из-за ряда разногласий. После этого Каролине Павловой перестали быть близки даже понятия славянофильской идеологии. Анализ этих отношений позволяет нам приобрести более полное представление о Павловой и Языкове.

Анотація

Ю.В. Грiшанова. Каролiна Павлова i Миколай Языков.

Вiдносини мiж Павловою та Языковим неодноразово розглядалися у контекстi їх вiдносин до славянофiльства. Але дана стаття показує нам, що мiж Павловою i Языковим iснував ще й поетичний дiалог, дослiдивши який стає зрозумiло, що мiж ними iснувала доволi близькi стосунки. Нажаль поетичний дiалог мiж цими двома поетами був перерваний через деякi розбiжностi. Пiсля цього Каролiнi Павловiй перестали бути близькi навiть поняття славянофiльської iдеологiї. Аналiз цих вiдносин дозволяє нам придбати бiльш повне уявлення щодо Павлової та Языкова.

Summary

Y.V. Grishanova. Karolina Pavlova and Nikolay Yazykov.

Relationships between Pavlova and Yazykov were considered in the context of Slavophilism. But this article also shows us that there was a kind of poetical dialogue between them, and because of that we can say that they had close relationships. Unfortunately the poetical dialogue between these poets was stopped because of some reasons. After this Pavlova even rejected Slavophilism's ideologies. The analysis of these relationships helps us to have fuller conception about Pavlova and Yazykov.